

Э.Л. Гептинг

«Мы стали стесняться»: об отношении
к собственному говору жителей Ильменского
Поозерья, родившихся в 1920–1940-х годах

Гептинг Эльвира Львовна, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород), НОЦ Гуманитарная урбанистика, ведущий научный сотрудник, кандидат филологических наук; froggg2000@mail.ru

В советское время введение и навязывание через систему образования и общественные институты нормативного русского языка как единственно правильного и легитимного не только не смогло искоренить региональный диалект в Ильменском Поозерье, но и не способствовало формированию его престижа в сознании носителей. Интервью с местными жителями свидетельствуют, что они привыкли воспринимать свой говор как неправильный, не соответствующий идеальной норме.

Ключевые слова: региональный диалект, престиж языка, языковая норма, языковая дискриминация.

В СССР с 1930-х гг. отношение к местным говорам было, в основном, пренебрежительным, диалектам объявлялась настоящая война. В начале советской эпохи диалекты русского языка считались пережитком, отклонением от литературного языка, его извращением¹. Даже несмотря на существовавший в советское время научный интерес к региональным говорам (например, проведение с 1958 г. экспедиций с целью фиксации живой диалектной речи в деревнях Новгородской обл., составление картотеки региональной лексики и фразеологии), отношение к говорам не менялось. До сих пор в российском обществе распространено мнение, что территориальный диалект – это язык не очень грамотных людей, его «отсталая» форма, региональный вариант, который в условиях всеобщего образования должен исчезнуть.

В период коллективизации провозглашалось уничтожение всех проявлений материальной и духовной жизни деревни. Для самих крестьян деревня превратилась в место, откуда надо было любой ценой бежать в город и забыть все, что с ней связано, в том числе

и язык. Литературный язык («усовершенствованный код») таким образом возводился в ранг абсолютной языковой нормы, так что все прочие языковые практики мыслились отныне лишь как не дотягивающие до этой нормы².

В ходе данного исследования важно было выявить, сохраняются ли сегодня диалектные черты на территории Ильменского Поозерья Новгородского р-на Новгородской обл., и выяснить, каково отношение местных жителей (поозёров) к собственному говору³.

Материалом для настоящего исследования стали аудиозаписи, сделанные автором в ходе экспедиций 2020–2022 гг. в деревнях Ильменского Поозерья.

Характерной чертой лингвистической ситуации в Поозерье является то, что носители диалекта неоднородны с точки зрения языковой компетенции. Среди опрошенных информантов есть хорошо сохраняющие диалект (консервативные носители), сохраняющие его хуже и те, кто не владеет им. Полевая работа 2020–2022 гг. заключалась в интервьюировании прежде всего наиболее пожилых жителей Поозерья. Настоящее исследование базируется на данных устных интервью с представителями старшего поколения (75–95 лет).

Поскольку в обществе сформировалось устойчивое отрицательное отношение к диалектам, их носители – жители деревень, зачастую подвергались языковой дискриминации: «Когда мама первый раз меня в город взяла, мне 6 лет было, я еще в школу не ходил. Между собой мы на своем с ней говорили. И как приехали в город: «О! ПАЗёры приехали (они же в городе говорили на «А», а здесь на «О» мы все говорили), ПАЗёры приехали! Ха-ха-ха-ха». Обычно смеялись, если скажешь что-нибудь такое... не как нужно, не по-книжному. И так постепенно мы уже стали стесняться и стараться говорить по-книжному, хотя на «О» все тут все равно говорили» (Николай Александрович Лукин, 1940 г.р., д. Ондвор). Таким образом, в сознании ребенка рано сформировалась оценка своего языка, как чего-то неправильного и ущербного.

Следующее свидетельство также демонстрирует пример глотофобии (языковой дискриминации) и спровоцированное ею у носителей диалекта чувство неловкости: «Горожане к нашему говору относились с иронией, с издевкой. Они уже знали нас, что этот край рыбацкий, что такие люди старой закваски, ну, что у них свой говор... Я считаю, что у нас такой... немножечко старославянский уцелел. Молодежь немножечко стеснялась: городские люди говорят вот так, а у нас... нас сразу узнавали по нашему говору. Ну, позёр тоже, не иностранец же. Только и всего шта говор другой» (Алексей Павлович Дорожкин, 1933 г.р., д. Ондвор).

Подвергаемые языковой дискриминации поозёры, пожив в другой языковой среде и возвращаясь в родные края, начинали дискриминировать местных, продолжавших говорить на своем диалекте: «Если, скажем, поозёр послужит в армии 3–4 года, он приходит, уже на него повлияло общение-то с другими морячками-то, с другими людьми, уже говорил он немножечко так... и над нами посмеивался... ха-ха-ха!» (Алексей Павлович Дорожкин, 1933 г.р., д. Ондвор).

Пренебрежительное отношение к местному говору учителей сельских школ (особенно приезжих), вымирание деревни, уменьшение числа сельских жителей во многом способствовали вытеснению коммуникативной потребности в местном говоре. В этот период сложилось нечто вроде билингвизма: всё чаще сельские жители стали вынужденно прибегать к «официальному» русскому языку, хотя в семейной сфере жители Поозерья продолжали пользоваться диалектом. Например, один из информантов вспоминает, как со школьной скамьи его отучали от языка, который он унаследовал в родной семье: «Вы бы знали, как здесь по-особенному говорили! Только в нашей местности говорили таким образом. А когда стали в школу ходить, там начали требовать, чтобы говорили, как написано, по-книжному. Учителя нас просто на смех поднимали, передразнивали, а все смеются... ну, это если учителя не местные. И постепенно все стали отвыкать. Но между собой дома говорили по-местному» (Николай Александрович Лукин, 1940 г.р., д. Ондвор).

«Мы учились по книжкам, как в книжке эти говорили слова, и на уроках говорили, как в книжках. Это мы по-своему общались между себя» (Нина Владимировна Шабарина, 1941 г.р., д. Заболотье).

Информантка, долгое время прожившая в городе, в речи которой не наблюдается диалектных особенностей, рассказывает, что еще со школьного периода жизни начала стремиться к «чистому разговору» благодаря приезжей учительнице: «У нас в школе была учительница русского языка и литературы, она всех нас поправляла, всем нам втыки делала.— А что она могла сделать, если неправильно говорили? — Она нас называла позерами.— Это звучало как ругательство? — Да, она говорила, что нужно учиться русскому языку!» (Таисия Григорьевна Молчанова, 1947 г.р., д. Козынево).

Некоторые сельские жители, даже оставаясь жить в деревне, сознательно отказывались от своего языка. Так, одна из информанток под руководством присланного из города культработника «исправляла» свою диалектную речь на литературную: «Я в сельсовете много лет проработала, дак там надо было выступать и все

прочее... а разговор-то был не такой!..» (Парасковья Григорьевна Уксусова, 1925 г.р., д. Сергово).

«Раньше вообще позёры говорили: «дидка», «ситка», а теперь все-таки стали маленько покультурнее: «дедка», «сетка»» (Нина Павловна Дорохова, 1929 г.р., д. Неронов Бор).

В данных случаях осознание своего говора как «неполноценного», не соответствующего принятой норме нашло выражение в отказе от него⁴.

Вместе с тем проведенные интервью показывают, что, несмотря на все указанные факторы, препятствующие дальнейшему развитию и функционированию регионального говора, сегодня в деревнях Поозерья среди старожиллов местный диалект все же сохраняет довольно сильные позиции. Он является важным в повседневном общении представителей старшего поколения, однако, его статус и престиж в их глазах невысок: «Так мы-то плохо говорим. Разве говоря топерь, как мы говорим? Все нас считали позёрам. «Во,— говоря,— позёры явились!»» (Антонина Алексеевна Трошкова (Пелина), 1933 г.р., д. Еруново).

«Ну, городски, конечно, оне же красиво разговаривают, не так, как мы» (Нелли Лукинична Герасимова, 1939 г.р., д. Заболотье).

Итак, можно сделать вывод о том, что языковая политика советского времени, вытесняя территориальные диалекты из коммуникативного пространства сельских жителей, на протяжении длительного времени воспитывала в жителях деревни комплекс неполноценности, чувства стеснения и стыда относительно своего родного диалекта, ощущение его неправильности, его несоответствия норме. Негативное отношение к языку деревни на государственном уровне хоть и не смогло полностью искоренить местный диалект Поозерья, но и не способствовало становлению его престижа в глазах носителей.

¹ Касаткин Л. Л. Русские диалекты в свете языковой политики//Русская диалектология/Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Academia, 2005. С. 14.

² Bourdieu P. Ce que parler veut dire. L'économie des échanges linguistiques. Paris: Fayard, 1982. P. 50.

³ Термины «диалект», «территориальный диалект», «местный диалект», «региональный диалект», «говор» в данной работе употребляются как синонимы для определения устной (бесписьменной) формы языка, используемой на территории Ильменского Поозерья.

⁴ Bourdieu P. Op. cit. P. 41.

E. L. Gepting

“We Now Feel Embarrassed”: on the Issue of
Perception of Their Own Dialect by Lake Ilmen
Residents Born in the 1920–1940s

Gepting El'vira L'vovna, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Velikiy Novgorod), the Research and Educational Centre for Humanitarian Urbanistics, leading research fellow, Ph. D. (Philology); froggg2000@mail.ru

In the soviet period, introduction of the official Russian language and compulsion to use it as the only correct and legitimate language through the education system and public institutions were not only unable to eradicate the local dialect used around Lake Ilmen, but made the speakers think of their own speech as lowly and non-prestigious. Interviews with locals showed that they were used to perceive their own local dialect as wrong, at odds with the correct way of speaking.

Keywords: local dialect, language prestige, language norm, language discrimination.